

КРАСНЫЙ ПЕТУХ: главный враг страховщика

АВТОР: Галина УЛЬЯНОВА

От греха подальше (чтобы беду не навлекать) пожар в России предпочитали называть красным петухом. Этот красный петух был ужасным бедствием и, как сто лет назад писали фельетонисты, «водился в России повсеместно», – настолько, что в газетах даже имелась ежедневная колонка под названием «Пожары». В Москве в этой колонке сообщалось о 212 случаях пожаров, и это – каждый день!

Несколько раз в году случались пожары грандиозные, опустошительные, многочасовые. Несмотря на ужас происходящего, пожары привлекали огромные толпы публики. Особенно будоражащими стали зрелища московских пожаров в 1880-х годах, когда обер-полицеймейстер Власовский провел блестящую реорганизацию пожарных частей. Им не только были выписаны из-за границы паровые машины для механических брандспойтов, заведены высокие складные лестницы и другие новейшие пожарные инструменты, но и внешний вид пожарных достиг подлинных эстетических высот. В каждой из районных городских

команд даже лошади были подобраны строго по мастям: Пречистенская выезжала на вороных, Арбатская — на буланых, и т. д.

Телефоны еще не вошли в быт, Москва была двух-трехэтажная, и пожарные каланчи возвышались в каждой из 16 частей города. Маргарита Волошина, из детской комнаты которой была видна пожарная каланча, писала, что часто ребенком, устроившись на подоконнике на подушках, она смотрела «на двух маленьких человечков: высоко-высоко в небе, на самой верхушке каланчи они ходили вокруг башенки друг другу навстречу — пожарные сторожа». Увидев сверху за-

дымление или языки пламени, дежурные на каланче давали звонок и поднимали тревогу, вывешивая на шесте, венчавшем каланчу, шары и кресты — своеобразные опознавательные знаки о месте и силе пожара (пожар № 1 был местным и слабым, а на тушение пожаров № 5, обозначаемых особенной комбинацией шаров и крестов, должны были мчаться пожарные части со всего города).

Когда в начале зимы 1901 года бушевал грандиозный пожар, уничто-

дом «были заняты тысячной толпой, не расходившейся весь день».

Пожар «Метрополя» стал одним из крупнейших пожаров нового, XX века, пожаром катастрофическим, в результате которого потерпели финансовый крах и владельцы недвижимости, и арендаторы, и строительный подрядчик. И это несмотря на то, что новостройка «Метрополя» была в соответствии с коммерческими «правилами игры» застрахована на сумму 2,5 млн руб.

Увидев сверху задымление или языки пламени, дежурные на каланче давали звонок и поднимали тревогу, вывешивая на шесте, венчавшем каланчу, шары и кресты – своеобразные опознавательные знаки о месте и силе пожара (пожар № 1 был местным и слабым, а на пожары № 5, обозначаемые особой комбинацией шаров и крестов, должны были мчаться пожарные части со всего города)

В 1912 году на полуторамиллионную Москву числилось 39 тыс. абонентов телефонной сети и уже 87% вызовов пожарных происходило по телефону. С высоты пожарных каланчей можно было рассмотреть всего 6% возгораний

живший в течение полутора суток вновь отстроенную громаду гостиницы «Метрополь», то, по сообщению газеты «Московский листок», Театральная площадь, улицы Неглинная и Рождественка и площадь перед Театральным проездом

Пожар «Метрополя», начавшись ночью 14 декабря 1901 года, был потушен только через 41 ч 30 мин. Пламя свирепствовало и уничтожило целиком пять этажей крыла гостиницы, выходящего на городскую Думу (там, где

Пожар «Метрополя» стал одним из крупнейших пожаров нового, XX века, пожаром катастрофическим, в результате которого потерпели финансовый крах и владельцы недвижимости, и арендаторы, и строительный подрядчик. И это несмотря на то что новостройка «Метрополя» была в соответствии с коммерческими «правилами игры» застрахована на сумму 2,5 млн руб.

в советское время был музей Ленина). Половина из 102 номеров реконструированной гостиницы была заселена. Не подозревавшие о пожаре постояльцы в ту ночь крепко спали, и разбуженные «несчастные, кто в чем был, многие в нижнем белье, очутились на улице, и это все происходило при

ров — в здании имелось аж 48 пожарных кранов, дождь на сцене, железный занавес (которым надлежало на ночь загоразивать сцену как раз в противопожарных целях), а также и один из первых в Москве электросигнальный аппарат, соединенный с Тверской пожарной частью. Однако, как писал в то время

В 1827 году указом правительствующего Сената было учреждено первое Российское страховое общество, через семь лет открылось второе, еще через 11 – третье, под именем «Саламандра». И дело пошло. В 1910 году пять российских страховых компаний перевалили рубеж 10 млн руб. по объему операций по страхованию от огня

21 градусе мороза», — сообщала газета «Московский листок».

Из-за близкой сердцу каждого русского человека привычки бросать спички и окурки на пол чуть не сгорел в 1906 году театр Солодовникова (сейчас здание Театра оперетты). Это помещение было лучше всех московских театров оборудовано против пожа-

один из специалистов-страховщиков: «Охранители театра вместо бдительного надзора пригласили к себе посторонних (в том числе и женщин) и, очевидно, устроили пирушку, после чего разлеглись на покой в боковых помещениях театра». Один из участников веселья оставил непогашенным окурочек, и когда огонь занялся вовсю, то стало

ясно, что своими силами справиться с ним не удастся.

Но пожарных пришлось дожидаться дольше двух часов, и вот почему. Сторож по непонятным причинам не воспользовался электросигналом (возможно, он вообще не знал о его существовании). Он не сообразил воспользоваться и театральным телефоном, а в безумном состоянии рванул темной ночью в соседний магазин, благо его пустил тамошний сторож. «Соедините меня с Тверской пожарной частью», — истошно вопил перепуганный сторож театра телефонистке. «Скажите номер — тогда соединю», — невозмутимо отвечала она. Далее диалог проходил, как в дурном сне. «Я не знаю номера, у меня пожар». «Посмотрите в телефонной книге». «Здесь темно, и я ничего не вижу». «Ничем не могу помочь». Телефонистка кладет трубку, и разговор обрывается. Сторож бежит назад, так и не протрезвев, и в сумбуре не знает за что хвататься. И только когда пожар разгорелся, его заметили с пожарной каланчи, на тушение выехала пожарная часть. Но, увы, слишком поздно: позже под-

считанный ущерб оказался колоссальным — 150 тыс. руб.

В начале XX века Москва становилась многоэтажной. Старый способ обнаружения пожаров — с каланчи — явно устаревал. В 1887 году 42 % пожаров обнаруживалось дежурными на каланчах, еще 41 % вызовов пожарных происходил по личному уведомлению (то есть к пожарникам прибежали и просили приехать) и только 15 % вызовов делалось по телефону. В 1912 году на полуторамиллионную Москву числилось почти 39 тыс. абонентов телефонной сети и уже 87 % вызовов пожарных происходило по телефону. 16 пожарных каланчей сохранились, но с их высоты можно было рассмотреть всего 6 % возгораний.

В Москве в центральной части города было застраховано от огня до 90 % всех зданий. И неудивительно, ведь в 1898 году число пожаров в год перевалило за отметку 650, в 1907-м — за 1000, с 1911-го — за 1100.

«Огневым страхованием» только в Москве занимались 19 страховых компаний. Не все они были в прибыли, поскольку из-за частоты пожаров объе-

100-150 лет назад пожары наносили столь огромный ущерб, что велась тщательная статистика этих происшествий.

В период 1895-1910 годов только в 63 губерниях европейской России произошло более 1 млн пожаров, убыток от которых исчислялся 1,5 млрд руб. (Для сравнения: годовой бюджет Российской империи в 1899 году составлял 1,57 млрд руб.). Ежегодный же убыток от пожаров оценивался в 100 млн руб., что в сравнении с бюджетами двух самых мощных министерств составляло 31 % всех расходов Военного ведомства, или 35 % расходов Министерства путей сообщения

«Огневое страхование» только в Москве занимались 19 страховых компаний. Не все они были в прибыли, поскольку из-за частоты пожаров объемы страховых премий, выплачиваемые потерпевшим, могли и превысить доходы от страховых операций. Например, в 1906 году только 6 из 19 обществ были не в убытке – их совместная прибыль составила около 395 тыс. руб., а 13 пришлось терпеть убытки, составившие 2,3 млн руб.

мы страховых премий, выплачиваемые потерпевшим, могли и превысить доходы от страховых операций. Например, в 1906 году только 6 из 19 обществ были не в убытке — их совместная прибыль составила около 395 тыс. руб., а 13 пришлось терпеть убытки, составившие 2,3 млн руб. Страховые общества конкурировали в борьбе за клиентуру, и их оптимистические названия звучали привлекательно, а иногда и маняще: «Надежда», «Помощь», «Якорь», «Саламандра»...

Надо сказать, что, по одной из версий, именно бедственные пожары стали толчком для страхового дела — первое страховое от огня общество возникло в Лондоне в 1681 году после ряда опустошительных пожаров. В России некоторые, как мы сказали бы теперь, продвинутые петербуржцы во второй половине XVIII века начали страховать жилые дома северной Пальмиры в заграничных страховых обществах (поскольку своих не было), главным образом у англичан. Но наша патристически настроенная матушка-императрица немецкого происхождения Екатерина Великая в 1786 году запретила страхо-

вать имущество в иностранных государствах. В 1827 году указом правительствующего Сената было учреждено первое Российское страховое общество, через 7 лет открылось второе, еще через 11 — третье, под именем «Саламандра». И дело пошло. В 1910 году пять российских страховых компаний перевалили рубеж 10 млн руб. по объему операций по страхованию от огня. Лидером была все та же «Саламандра», заработавшая в 1910 году более 28 млн руб., а в 1912 году — уже 31,5 млн руб. Немаловажно, что директором правления «Саламандры» в это время являлся отставной министр промышленности и торговли Тимирязев.

Умелые взаимоотношения с клиентами тоже имели значение. Страховщики блюли свою выгоду, а клиенты — свою. Застрахованные иной раз занимались даже самоподжогами в корыстных целях, чтобы получить страховку. В ряде случаев вину клиента удавалось доказать. Одним из таких громких дел стал процесс по делу петербургского миллионера Степана Овсянникова, того самого, который был уже ко времени процесса тестем самого Павла

Михайловича Рябушинского, одного из московских магнатов.

А дело было так. В 1875 году в Петербурге сгорела громадная паровая мельница на углу Михайловского проспекта и Обводного канала. Ее арендовал у крупного промышленника Василия Кокорева Степан Овсянников. Мельница была застрахована на 700

только на поставках провианта в казну он ежегодно зарабатывал под миллион рублей в год. Однако суд решил, что самоподжог был, если и не с целью получения страховой премии, то с целью нанесения ущерба Кокореву, с которым у Овсянникова незадолго до пожара испортились отношения. Овсянников был осужден с лишением прав состоя-

Миллионер Степан Овсянников, осужденный и сосланный в Сибирь за умышленный поджог арендованной недвижимости

Только в 60% пожаров причины были известны (33% – неосторожность, 14% – неисправность труб и печей, 10% – поджог, 3% – молния), а 40% пожаров происходило по невыясненным причинам

Особенно будоражащими стали зрелища московских пожаров в 1880-х годах, когда обер-полицмейстер Власовский провел блестящую реорганизацию пожарных частей. Им не только были выписаны из-за границы паровые машины для механических брандспойтов, заведены высокие складные лестницы и другие новейшие пожарные инструменты, но и внешний вид пожарных достиг подлинных эстетических высот

тыс. руб., и срок страховки истекал через два дня после случившегося пожара. Следствие установило, что поджог был умышленным, и 70-летнего Овсянникова арестовали. Почтенный купец на процессе (который вел прокурор А. Ф. Кони) всячески отрицал свою вину, говоря, что незачем было ему, крупному хлеботорговцу и коммерции советнику, поджигать мельницу, ведь

ния, с него взыскали в пользу Кокорева 700 тыс. руб. убытка, а затем сослали в Сибирь, где и закончились в позоре и лишениях дни неудачливого богача.

Впрочем, ни эта, ни многие другие истории так и не стали уроком для любителей авантюрных доходов: пока есть страховые компании — есть и те, кто мечтает их обмануть. Хотя получается это все реже и реже... **ИИ**